

гатого арианского духовенства привело к потере работы и обнищанию ремесленников-*православных*, трудившихся в мастерских арианских храмов ⁹⁹.

Такое равнодушие к церковно-догматическим спорам и вопросам христианской религии было, видимо, вообще довольно распространенным явлением среди сенаторской аристократии, к которой близко стоял Прокопий. Ведь именно в ее среде были еще сильно античные традиции, античное миропонимание, преклонение перед древней цивилизацией. Недаром именно в кругах рабовладельческой аристократии дольше всего жило язычество, так жестоко преследуемое Юстинианом.

Однако отнюдь нельзя утверждать, что сам Прокопий — не христианин, а чуть ли не тайный язычник. Для подобных выводов нет никаких оснований. Прокопий верит в бога, в промысел божий ¹⁰⁰, однако эта вера не носит характера ортодоксального благочестия, а окрашена в тона умеренной, «официальной» религиозности. Он признает добродетельный образ жизни монашества и говорит о монахах как о «самых воздержанных христианах» ¹⁰¹.

Прокопий восхваляет подвижническую жизнь некоего блаженного Якова, жившего в Сирии близ Амиды и творившего различные чудеса ¹⁰². Вообще Прокопий довольно суеверен и повторяет в своих трудах многие рассказы и легенды о различных чудесах, ходившие в народе в его время.

Вера в сверхъестественные силы ¹⁰³, в предзнаменования ¹⁰⁴, сны ¹⁰⁵, гадания ¹⁰⁶ является также характерной чертой мировоззрения Прокопия, как, впрочем, и почти всех других византийских авторов VI в.

Вместе с тем Прокопий далек от какого-либо религиозного фанатизма, мистики, ему глубоко чужды идеи умерщвления плоти, отказа от радостей земной жизни, аскетизма и подвижничества.

По своему мирозерцанию, как и по своим внутренним симпатиям, он все еще погружен в мир прекрасного прошлого и остается приверженцем неуявдаемой античной цивилизации.

Как историк Прокопий во многом еще — продолжатель традиций античной историографии.

⁹⁹ Ibid., XI, 16—20.

¹⁰⁰ Proc. В. Р., II, 10. 4—5; Хосрой выступил не против Юстиниана, а против бога, которому, одному, поклоняются христиане (ibid., II, 26.2).

¹⁰¹ Ibid., I, 7.22.

¹⁰² Ibid., I, 7. 5—11. Со всей серьезностью Прокопий говорит, что, когда воины эфталиты напали на Якова и хотели поразить его стрелами, их руки внезапно были парализованы по воле праведника.

¹⁰³ Ibid., II, 13. 22—23; Дару спас от персов некий сверхчеловек. Прокопий подозревает, что Юстиниан и Феодора — демоны (Proc. Н. а., XII, 14—23; XVIII, 36).

¹⁰⁴ Прокопий приводит предсказание, что «мир (mundus) погибнет с потомством», которое якобы сбылось, когда погибли полководец Мунд и его сын (Proc. В. Р., I, 6.7). Затмение солнца, по мнению Прокопия, предвещало войну и моровую язву (Proc. В. В., II, 14.4—6). Взятие Антиохии персами предвещало то, что знамена византийских воинов повернулись сами к Востоку. Это чудо, по словам историка, явил жителям Антиохии бог (Proc. В. Р., II, 10.1—3). Накануне битвы при Трикамарре в Северной Африке в лагере византийцев засветились острия копий; такое же чудо вновь повторилось у византийцев в Италии много лет спустя. Первый раз, по рассказу Прокопия, они еще не знали, что оно предвещает, потом они уже знали, что это знамение победы (Proc. В. В., II, 2.6—7). Но Прокопий отказывается толковать, что предвещает появление кометы (Proc. В. Р., II, 4; 1—3).

¹⁰⁵ Proc. Н. а., XIX, 1—4; В. В., I, 12.

¹⁰⁶ Прокопий верит в «божественное внушение» (Proc. В. Р., II, 23.15). Во время чумы многие во сне и наяву видели демонов, что предвещало им гибель. Совершение священных обрядов не спасало от чумы, и люди умирали в храмах (Proc. В. Р., II, 22.10—12). Колдуны предсказывали, по словам Прокопия, Иоанну Каппадокийскому верхнюю власть. По этому поводу Прокопий шипит: «Так демон находит удовольствие в том, чтобы людям, не имеющим здравого рассудка, представлять в блистательных надеждах предмет, имеющий для них особенную прелесть» (Proc. В. Р., II, 30.51—53).